

СЛУЖЕНИЕ ПРАВУ

ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА
В. А. ТУМАНОВА
ПОСВЯЩАЕТСЯ

СБОРНИК СТАТЕЙ

Под редакцией
Д. А. Туманова и М. В. Захаровой

Электронные версии книг на сайте
www.prospekt.org

•ПРОСПЕКТ•

Москва
2017

Д. В. Дождев,
доктор юридических наук,
профессор, ведущий научный сотрудник ИГП РАН,
декан факультета права МВШСЭН

Наука сравнительного права и кауза сделки в Гражданском кодексе РФ

Ст. 178 ГК РФ, устанавливая оспоримость сделки, совершенной под влиянием существенного заблуждения (п. 1), относит к существенным (п. 2), в частности, заблуждение «в отношении природы сделки». П. 3 ст. 178 спешит предупредить: «Заблуждение относительно мотивов сделки не является достаточно существенным для признания сделки недействительной»¹. Противопоставление «природе сделки» как существенному элементу формирования воли на сделку мотива как несущественного можно считать верным руководством для понимания смысла, который законодатель вкладывает в заблуждение в природе сделки, и значения уникального для текста ГК термина «природа сделки». В цивилистике к идее мотива традиционно обращаются для раскрытия понятия каузы (основания сделки): если заблуждение в мотиве для права безразлично, то ошибка в основании признается настолько существенным, что ставит под вопрос само существование сделки². Заблуждение относительно природы сделки для целей п. 2 ст. 178 следует приравнять по смыслу к хрестоматийной *ошибке в основании* — *error falsae causae*.

В ГК РСФСР 1922 г. такого противопоставления не было. Ст. 32 говорила о заблуждении, «имеющем существенное значение», наряду с другими пороками воли. Та же терминология использовалась в ГК РСФСР 1964 г., где заблуждение регулировалось отдельно в ст. 57.

¹ В ред. Федерального закона от 07.05.2013 № 100-ФЗ. В первоначальной редакции Федерального закона от 21.10.1994 абз. 2 п. 1 ст. 178 такой реквизит, как природа сделки, занимал первое место, а отказ мотивам в существенном значении непосредственно примыкал к списку существенных элементов: «Существенное значение имеет заблуждение относительно природы сделки либо тождества или таких качеств ее предмета, которые значительно снижают возможности его использования по назначению. Заблуждение относительно мотивов сделки не имеет существенного значения».

² Х. Кетц возводит оппозицию к Савиньи. См.: *Kötz H., Flessner A. European Contract Law. Vol. 1: Formation, Validity, and Content of Contract; Contract and Third Parties.* Transl. by Tony Weir. Oxford, 1998. P. 182, nt. 46. Ниже мы увидим, что она намного древнее.

Понятие природы договора применяется канадскими цивилистами и среди действующих кодексов представлено лишь в ГК Квебека 1994 г. Глава 2 «О договоре» в Книге 5 «Об обязательствах» содержит целый раздел «О природе договора и отдельных его видах» (*De la nature du contrat et de certaines de ses espèces*), однако под «природой договора» здесь имеется в виду самое общее определение договора как согласования воли, устанавливающего обязательство (абз. 1 ст. 1378). Ошибка, согласно ГК Квебека, означает порок воли обеих сторон, если относится к обстоятельству, существенному для формирования воли (ст. 1400). Среди таких обстоятельств ст. 1400 называет характер договора и предмет предоставления. Характер договора — это его свойство, которое может выступать основанием классификации договоров на договоры синаллагматические и односторонние, возмездные и безвозмездные, договоры присоединения и со взаимно согласованным содержанием, меновые и алеаторные, с единовременным или с длящимся исполнением (абз. 2 ст. 1378). Ошибка в характере договора означает, таким образом, существенное расхождение между представлением одной стороны и действительностью или представлениями другой стороны. Ошибка же в природе договора невозможна, поскольку это его определение.

Ошибка в природе договора известна ГК Эфиопии 1960 г., статья 1699 которого выделяет всего два вида ошибки, влекущей оспоримость договора: в природе договора и в его объекте. Ст. 1701 выделяет два вида незначительных ошибок, которые не дают основания для оспаривания договора: ошибку в мотивах и арифметическую ошибку (которую следует просто исправить). Таким образом, ошибка в природе договора отнесена к фундаментальным, и такой ошибке противостоит ошибка в мотивах заключения договора, как и в действующем ГК РФ.

К источникам Гражданского кодекса Эфиопии его автор Рене Давид¹ причислял гражданские кодексы Франции, Швейцарии, Италии, а также — Греции (видимо, по временной близости) и Египта (видимо, по географической)². Однако ни один из названных источников не знает категории «ошибка в природе договора» и не противопоставляет ее ошибке в мотивах.

Кодекс Наполеона содержит лишь одну статью 1110, которая устанавливает, что ошибка может быть причиной ничтожности со-

¹ Стоит ли напоминать читателю, что авторитетный ученый получил известность в России, прежде всего, благодаря переводу на русский язык его фундаментального труда, выполненного В. А. Тумановым.

² *David R. Les sources du code civil éthiopien // Revue internationale de droit comparé 1962, 14, p. 504.*

глашения, только если она относится к субстанции вещи, являющейся объектом договора (*L'erreur n'est une cause de nullité de la convention que lorsqu'elle tombe sur la substance même de la chose qui en est l'objet*)¹. Официальное толкование распространило идею существенной ошибки на другие аспекты соглашения, а в 1943 г. Кассационный суд специально исключил ошибку в мотивах из допустимых оснований оспаривания договора (*L'erreur sur les motifs n'est pas une cause de nullité, à moins que parties aient été d'accord pour en faire la condition de leur contrat* (Civ. 3 août 1942: D.A. 1943, 18)). Французский кодекс все же не мог послужить текстовой базой для противопоставления ошибке в мотивах ошибки в природе договора.

Пятая часть ГК Швейцарии «Об обязательственном праве», введенная законом от 30 мая 1911 г. содержит несколько положений об ошибке в договоре (стт. 23–28). За ст. 23 о существенной ошибке как основании оспаривания договора следует ст. 24, в п. 1 которой, подобно п. 2 ст. 178 ГК РФ, приводятся отдельные виды существенной ошибки. Первой из них названа ошибка в виде договора, когда сторона объявила о заключении договора, отличного от того, который она собиралась заключить. В следующем же пункте этой статьи (п. 2 ст. 24) ошибка в мотивах объявляется несущественной. Здесь противопоставление выдержано не менее четко, чем в ГК Эфиопии, но категории «природа договора» в швейцарском кодексе нет.

В ГК Греции специальная статья (ст. 143) указывает, что ошибка в мотивах не относится к существенным, но греческий законодатель не знает выражения «природа договора».

Наконец, ГК Италии список ошибок, отнесенных к существенным (ст. 1429) возглавляет ошибка относительно природы или предмета договора (*sulla natura o sull'oggetto del contratto*) с отсылкой к ст. 1322 о свободе сторон (*autonomia contrattuale*) устанавливать содержание договора (*contenuto del contratto*) в пределах, установленных законом². Эта отсылка проясняет значение понятия предмета договора, в отличие от объекта предоставления (*oggetto della prestazione*), заблуждение в идентичности которого также составляет существенную ошибку. Природа договора тем самым приравнивается к его содержанию (в его

¹ *Ghestin J., Loiseau G., Serinet Y.-M. La formation du contrat. T. 2: L'objet et la cause, les nullités. 4 éd. Paris, 2013. No. 507.*

² Германское гражданское уложение, которое оказало заметное воздействие на ГКИ, говоря об ошибке (§ 119 (1)), фиксирует лишь ее необходимую связь с содержанием договора (*Inhalt*). Ведущий правовед XIX в. Фердинанд Регельсбергер рассматривает каузу в разделе, посвященном содержанию юридической сделки (*Inhalt des Rechtsgeschäfte*): *Regelsberger F. Pandekten. Leipzig, 1893. S. 608–610. Об ошибке в содержании договора см. комментарии к 1 казусу в обобщении по методу common core: Mistake, Fraud and Duties to Inform in European Contract Law / Sefton-Green R. (ed.). Cambridge, 2005. P. 88 sqq.*

существенных чертах), что может быть прямым источником изучаемого положения ГК РФ. Однако ИГК вовсе не упоминает мотивов заключения договора.

Из наднациональных унификационных проектов *lex mercatoria* источником нормы ст. 178 ГК РФ могут быть лишь Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА (1994 г.)¹. Статья 3.5 (в современной редакции 2010 г. это статья 3.2.2) употребляет термин «*relevant mistake*» («значительное заблуждение» в русском тексте), устанавливая, что ошибка для целей оспаривания должна быть настолько значительной, что разумное лицо, находясь в той же ситуации, что и сторона договора, заключила бы его на совершенно иных условиях или не заключила бы его вовсе, если бы знала о действительном положении дел. Это положение соответствует понятию существенной ошибки, однако Принципы УНИДРУА вовсе не классифицируют ошибки по содержанию. Сходным образом поступает и голландский законодатель: ГК Нидерландов 6:228(1) не содержит специальных определений видов ошибки, но указывает, что отмена договора допустима лишь в том случае, если ошибка такова, что договор не был бы заключен при наличии достоверных представлений (*juiste voorstelling*). Этой модели следуют и Принципы европейского договорного права 2002 г. Ст. 4.103 (в редакции 1998 г. это ст. 6.103: *Mistake as to facts or law*) говорит о «фундаментальной ошибке» (*fundamental mistake*). Авторы Принципов специально указывают, что не видят необходимости в выделении отдельных категорий ошибки².

Итак, в поиске источника понятийного словаря ст. 178 ГК РФ мы пришли к выводу, что это могла быть лишь комбинация положений итальянского и швейцарского кодексов, которая в подобном же виде известна только ГК Эфиопии 1960 г. — одному из выдающихся достижений современной юридической компаративистики.

Противопоставление мотиву как несущественному элементу побуждения на сделку³ выявляет в понятии «природа сделки (договора)» два аспекта: во-первых, в «природе» юридического акта следует видеть его объективное, признанное правопорядком содержание, во-вторых, осведомленность об этом содержании составляет существенный момент формирования воли, наряду с добровольностью (заключение сделки как реализация автономии личности, а не отказ от нее) и же-

¹ Венская конвенция о международной купле-продаже товаров не регулирует вопросы пороков воли.

² *Principles of European Contract Law. Parts 1–2/ Lando O., Beale H. (eds.). Kluwer Law International, 2000. p. 233.*

³ Об ошибке, не связанной с формированием воли, но составляющей важное юридическое событие, см.: Виндшайд Б. Учебник пандектного права. Т. I. Общая часть. Пер. под ред. С. В. Пахмана. СПб., 1874. С. 179–180.

лением создать юридические последствия (которое не сводится к серьезности намерения). Представляется, что оба аспекта указывают на каузу — важнейший реквизит юридической сделки, который иначе в нашем законе не представлен. Говоря о содержании того или иного договорного типа ГК в части 2 предпочитает термин «существо договора», выражение «природа сделки» уникально. Оно не получило самостоятельной разработки в отечественной доктрине и наведено более развитыми представлениями, воспринятыми из европейской правовой традиции.

Виндшайд обсуждает подлинность выраженной воли как реквизит (необходимый фактор) юридической силы сделки (§ § 75–81). Обращаясь к ошибке, он подчеркивает, что основанием ничтожности акта служит только существенное заблуждение. Первым среди существенных моментов при изъявлении воли великий пандектист называет «природу устанавливаемого правоотношения»¹. В этих словах одного из основателей Германского гражданского уложения отражена вековая традиция европейской юридической науки, которая и дала миру развитое учение о каузе сделки.

Из четырех видов причины, выделенных Аристотелем: производящей, целевой, формальной и материальной — уже глоссаторы сосредоточили внимание на первых двух (*causa efficiens* и *causa finalis*), отнеся последние к статическим. Понимание человеческого действия как движения требовало объяснения его источника, ведь ничего не бывает без причины («даже Бог не действует на земле без причины» — Лука де Пенне, XIII в.). Такой подход не отрицал действительность человеческой воли, но интегрировал ее в сферу социальных взаимодействий, снимая механицизм в цепи «воля — юридические следствия». Тем самым случайное и временное, свойственное, как казалось, праву, подкреплялось вечным и объективным, которое концентрировалось в этике (*licitum et honestum*). Рациональный подход, свойственный схоластике, видел в каждом человеческом действии акт разумного человека, рациональность, которая также насыщалась этическим измерением. В канонической традиции божественное оправдание каждого акта также выражалось через понятие каузы, на которой покоится любая норма, даже божественная (*fas est, idest aequum est, cum subest causa*).

Кауза сближалась с нормативными параметрами, которыми пронизывалось заряженное общественное поле. Здесь и этические требования, и справедливость (*aequitas*), и разумность, рациональность (*rationalitas*), так что зависимость следствия от обоснованного желания, побуждения души, представляла не просто логической, но получа-

¹ Виндшайд Б. Указ. соч. С. 173.

ла моральное измерение. Кауза выступала и критерием для публичной власти, судебного решения, законодательного акта, установления налогов и податей, земельных пожалований. Кауза становится критерием закона, сближаясь с *ratio legis* — его разумным основанием¹.

Кауза вбирает в себя этические требования, оправдывающие и контролирующие юридические следствия акта². Понятие каузы становится необходимым элементом оценки внутренней стороны человеческого действия, которая позволяет преодолеть внешний аспект факта (деяния) и затронуть духовную сторону действующего лица: *causa potius est inquirenda quam ipsum factum* (Iohannes Teutonicus, gl. *et ad causam* in c. 14, С. XXIII, q. 8). В письме папе Александру I Иоанн Тевтоник воспроизводит эту формулу применительно к *animus* (намерению), показывая, что кауза относится к внутреннему миру человека, к духовному, которое стоит за материальным действием. Внимание к побудительным мотивам, к движению души, которое превалирует в оценке деяния, восходит к классической юриспруденции (Ulp. D. 47, 2, 29: *pec enim factum quaeritur, sed causa faciendi*). Этический подход, свойственный Средневековью, смыкается к юридическим, ориентированным на установление научных оснований квалификации деяния³.

В оценке позитивных источников права наряду с формальным подходом, который устанавливает иерархию по силе действия (меньшее не может противоречить большему — *minor in maiorem non habet impetium*), утверждается содержательный, который требует соответствия нормы справедливости, т. е. подчиняет ее критерию наличия основания, каузы. Ацо обосновывал приоритет каузы над формальной нормой, допуская изменение и нарушение естественного или гражданского права при наличии правомерного основания. Это учение получило развитие в трудах школы комментаторов, начиная с Пьера де Бельперша (Жак де Ревиньи) в Орлеане и его ученика Чино да Пистойя уже в Италии⁴.

Дальнейшая проработка темы привела к выделению ведущего типа каузы — целевой (конечной) причины (*causa finalis*), которая могла служить обоснованием закона и его нормативной силы, в оппозиции к побудительной причине, редуцированной до мотива (*causa*

¹ Calasso F. *Causa legis. Motivi logici e storici del diritto commune*// Rivista statale del diritto italiano, 1956. P. 25 sq; Id. *Il negozio giuridico*. Milano, 1959. P. 225 sq.

² Уже в школе Ирнерия кауза выступает синонимом справедливости (*aequitas*), корректируя издержки формального действия нормы (*rigor iuris*): Chévrier G. *Essai sur l'histoire de la cause dans les obligations*. Paris, 1929, 25 sqq.

³ Roussier R. *Le fondement de l'obligation contractuelle dans le droit classique de l'Eglise*. Paris, 1933. P. 54 sqq.

⁴ Motta L. *La causa delle obbligazioni nel diritto civile italiano*. Torino, 1929. P. 55–96; Battistoni A. *La causa nei negozi giuridici*. Padova, 1932.

impulsiva). В ведущем учебнике свободных искусств середины XI в. “*Elementarium*” («Энциклопедии») Папия кауза определялась как побуждение (*impulsus*) души к какому-либо действию (*causa est animi impulsus ad aliquid agendum*). Аккурсий в XIII в. употребляет термины “*causa impulsiva*” и “*causa efficiens*” как взаимозаменяемые, но еще за век до него Рогерий сближает конечную цель с условием, которое обращено в будущее, оставляя за побудительной причиной значение события в прошлом. Так появляется терминология, различающая ближайшую (*causa proxima*) и отдаленную причины (*causa remota*)¹. Различение импульса, отвечающего за непосредственное побуждение, и собственно каузы как искомой цели, будущего события, определяющего совершение юридически значимого действия, утверждается в глоссе Иоанна Бассиана (gl. in Cod. 2, 3, 1, de pactis, l. *Condicionis*)². Это противопоставление дополняется суждением Ацо (*Lectura in Cod. 4, 6, 7 de cond. ob causam dat., l. Si petendi, n.2*), согласно которому *causa impulsiva* — это невысказанный, внутренний мотив действия (*in corde retentum*), тогда как *causa finalis* — выраженное обоснование действия. Именно этот аспект воли в дальнейшем идентифицируется с *ratio legis* и обсуждается как существенный элемент юридического акта. В XIII в. Одофред (*Lectura in Cod. 2, 3, 1, de pactis, l. Condicionis*) считает целевой каузу, если она выступает определяющим фактором для совершения акта, тогда как импульсивная лишь содействует (*coadiuvans*) формированию воли. Кауза как критерий действительности сделки наделяется и контролирующей функцией, отвечая не только за возникновение юридического эффекта акта, но и за его продолжение и сохранение, в соответствии с максимой “*cessante causa cessat effectus*” (с прекращением причины прекращается и следствие). Жак де Ревиньи (Пьер де Бельперш — Belleperche. *Lectura in Cod. 1,3,51 [52], de episc. et cler., l. generaliter*) придает этому учению генеральное значение: подчиненное положение юридической силы акта констатируется “*et in causa legis, et in causa pacti, et in testamentis*”.

Чино да Пистойя возводит к Дино дель Мутелло полное исключение побудительного мотива (*causa impulsiva*) из учения о каузе (Cino, *Comm. in Cod. 1,3,51 [52] de episc. et cler., l. generaliter, n.3*). Джованни д’Андреа (*Novella in c. 10, X, l. 9 de renunciatione, c. nisi cum pridem, n.29*) считал, что в суде имеет значение только *causa finalis*, тогда как побудительный мотив должен считаться случайностью (*occasio*). Окончательно сводит *causa impulsiva* к простому мотиву Бальд (*Comm. in Cod. 1,3,51 [52], de episc. et cler., l. generaliter, n.3*): *proprie non est causa sed*

¹ Meijers E. Les theories médiévales concernant la cause de la stipulation et la cause de la donation// *Tijdschrift voor Rechtsgeschiedenis*, 1936. P. 378.

² Ibid. P. 379 sq.

est quoddam motivum (собственно это не кауза, а просто мотив). И далее юрист-философ устанавливает на века вперед соответствие между ближайшей и целевой (конечной) причиной, отводя побудительной значение отдаленной (опосредованной) причины: “*Breviter dico, quod causa finalis est propter quam aliquid immediate conceditur, causa impulsiva est quae occasionem remotam praestat*” (Короче говоря, конечная причина — это та, из-за которой что-либо непосредственно следует, побудительная причина — это та, что составляет отдаленное событие). Ему же принадлежит предостережение, что ссылки на побудительный мотив представляют собой злоупотребление: *causa impulsiva est causa abusiva* (Baldus. *Super Decretal.*, *Comm. in c. 11, X, I, 9 de renunciatione, c. post translationem*, п.4). Внимание к формированию воли заставляет видеть в учении Балды субъективную трактовку каузы. Представляется, что это впечатление поверхностно. Выраженное исключение мотива из реквизитов воли говорит о поиске нормативного (объективного) основания волеизъявления: чтобы получить юридический эффект, следует установить естественную причину, несводимую к случайным и единичным факторам. Учение о каузе смыкается с учением о существенных элементах договора (*essentialia*), которое разрабатывалось преимущественно применительно к договору купли-продажи как модельному. Именно в этой связи утвердилось представление о существенных условиях договора, включающее согласие, вещь и цену (*consensus, res, pretium*). Догматически одно учение дополняло другое, но получилось, что теория существенных элементов договора в XVII–XVIII вв. надолго подменила собой концепцию каузы. Сегодня обращение к правовым учениям эпохи Возрождения является неременным условием восстановления преемственности взглядов европейской юридической науки¹.

В представлении Дома и Потье кауза сводится к существенным элементам обязательства и начинает совпадать с предоставлением, ожидаемой от другой стороны договора: каузу обязательства продавца усматривают в уплате цены, покупателя — в получении вещи. Эти взгляды, представляющие собой, по сути, отказ от категории каузы, в дальнейшем получили широкое распространение в германской пандектистике, что усилило позиции критиков каузы как излишнего элемента договора (сделки), якобы, не имеющего влияния на действительность обязательства и возникновение правового эффекта юридического акта. С этих пор начинается глубокий кризис концептуального обоснования каузы, затронувший и французскую доктрину и сравнительно-правовые взгляды современности.

¹ Полдников Д. Ю. Договорные теории классического *ius commune* (XIII — XVI вв.). М., 2011.

В отечественной юриспруденции XIX в., зависимой от французских и немецких образцов, понятие каузы надлежащей разработки не получило. В новейшей литературе эта категория привлекла к себе интерес со стороны автора известной работы, посвященной институту неосновательного обогащения¹ — теме, которая объективно стимулирует обращение к проблеме «основания». Из обстоятельного обзора, выполненного Д. В. Новаком, следует, что в дореволюционной литературе вопросу каузы уделено заметное внимание лишь в монографии А. С. Кривцова об абстрактных обязательствах. Кривцов выделяет два значения *causa* в римской юриспруденции: субъективной цели предоставления и юридического факта, лежащего в основе перехода имущества. Русский цивилист противопоставляет субъективное понимание каузы как цели не объективному пониманию (тогда еще не разработанному), а нормативному, близкому к немецкой пандектистике. Эти два значения получили в дальнейшем последовательное признание в советской литературе.

Выделяя в советском правоведении два подхода к проблеме каузы, Д. В. Новак противопоставляет идею цели, выраженную в трудах М. А. Гурвича и М. М. Агаркова нормативистскому подходу, представленному в работах А. Е. Семеновой и Е. А. Флейшиц². Согласно этим авторам, основанием перехода имущества (обогащения) выступает содержание закона или акта, само правоотношение между сторонами, так что неосновательность обогащения следует из простого отсутствия правового оправдания передвижения ценностей от субъекта к субъекту. Д. В. Новак справедливо усматривает в этой позиции проявление позитивистского подхода к праву, более соответствующего советским реалиям, тогда как учение о цели он объявляет выражением признания частного интереса и автономии воли участников частноправовых отношений³.

Объясняя значение термина «основание» в ст. 399 ГК РСФСР 1922 г., регулировавшей отношения из неосновательного обогащения, М. А. Гурвич говорил «ближайшей, непосредственной хозяйственной цели» совершаемых в обороте перемещениях имущества⁴. Здесь прямая отсылка к *causa proxima* как к *causa finalis*. С этим учением Д. В. Новак сближает понимание каузы в труде М. М. Агаркова⁵. Однако Агарков,

¹ Новак Д. В. Неосновательное обогащение в гражданском праве. М., 2010. С. 237 и след.

² Семенова А. Е. Обязательства, возникающие вследствие неосновательного обогащения, и обязательства, возникающие из причинения вреда / Гражданский кодекс РСФСР. Научный комментарий под ред. С. М. Прушицкого и С. И. Раевича. Вып. 20. М., 1928; Флейшиц Е. А. Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения. М., 1951.

³ Новак Д. В. Указ. соч. С. 242.

⁴ Гурвич М. Институт неосновательного обогащения в его основных чертах по Гражданскому кодексу РСФСР // Советское право. 1925. № 2. С. 92. Цит. по: Новак Д. В. Указ. соч. С. 240.

⁵ Агарков М. М. Обязательство по советскому гражданскому праву [1940] // Избранные труды по гражданскому праву. В 2 томах. Том I. М., 2002. С. 288 и след.

ставя вопрос с позиций цели (частной или более широкой общественной), сам критикует такой подход как чрезмерно узкий, свойственный буржуазному праву, и предлагает интегрировать вопрос о цели в обязательстве в вопрос об основании возникновения обязательств (с. 299). Критикуя затем понимание основания возникновения обязательств в европейской правовой традиции, автор показывает что этот термин для него означает источники обязательств: договор, деликт, квази-контракт (с. 304 и след.). Таким образом, постановка вопроса о каузе в терминах цели у Агаркова — лишь дань пандектистской традиции, в которой понятие каузы распалось на цель (Zweck) и основание (Grund)¹.

Одна из ведущих работ о цели в обязательстве, на которую неоднократно ссылается советский ученый, принадлежит Г. Хартманну², который считал цель одним из определений обязательства. Применительно к общему учению о сделке, воле и волеизъявлении выявление цели оказывается неуместным, так как природа сделок различна и не всегда порождает обязательство. Понятие каузы в пандектистике в рамках учения о сделке и имущественном предоставлении вообще (Zuwendung — обобщение того же масштаба, что и понятие юридической сделки, разработанное Савиньи) теряет всякую определенность, сводясь к банальным различиям *causa credendi* — *causa solvendi* и выделению *causa donandi*. В этом отношении немецкая доктрина совпадает с французской: в обеих школах кауза сводится к самому юридическому акту как причине перемещения имущественной ценности. Если во французском праве, ведущей чертой которого выступает консенсуализм, соглашение сторон (консенсус) непосредственно приводит к переходу собственности, то кауза получает доктринальное сближение с консенсусом и его существенными элементами (реквизитами). Принцип разъединения, утвердившийся в пандектистике, выставляет в качестве основания распорядительной (исполняющей) сделки обязательственный договор (Grundgeschäft), который и составляет основание имущественного предоставления, достигаемого в ходе исполнения.

Прогресс в понимании каузы достигнут в итальянской цивилистике: два выдающихся романиста П. Бонфанте и Э. Бетти выдвинули объективную теорию каузы³. В этом учении кауза понималась как функция юридической сделки, как воплощенный в ней признанный типизированный интерес. Казалось, категория каузы вновь обрела

¹ См.: Brütt L. Die abstrakte Forderung nach deutschem Reichsrecht. Berlin, 1908. S. 1 sqq (Grund des Rechtsgeschäft).

² Hartmann G. Die Obligation. Untersuchungen über ihre Zweck und Bau. Erlangen, 1875.

³ Bonfante P. Il contratto e la causa del contratto [Riv.dir.comm. 1908, 1, 115] / Scritti giuridici varii. Torino, 1921. P. 131 sqq; Betti E. Teoria generale del negozio giuridico. Torino, 1955, 167 sqq; Id. Causa del negozio giuridico, in NNDI, III. Torino, 1959; Id. Cours de droit civil compare des obligations. Milano, 1958. P. 64 sqq.

свое независимое и обоснованное положение среди реквизитов юридической сделки. Однако в последующие годы объективная теория привела к отождествлению каузы с договорным типом — в соответствии с господствующими позитивистскими представлениями. Такой вариант доктрины вызвал обоснованную критику и возрождение субъективной трактовки каузы в работе Джованни Ферри¹. Оппозиция сегодня проходит не между концепцией цели и юридического факта, а между пониманием каузы как субъективной цели и как объективного (признанного) интереса (не сводимого к договорному типу). Вопрос в том, что признавать ведущим источником юридической силы акта: частное волеизъявление (автономию индивида) или правопорядок, который предлагает индивиду предписанные формы (типы) признания и защиты его интереса?

Категория природы сделки (договора) позволяет снять противоречие между кантианским (волевым) и позитивистским подходом, выйдя на научный уровень понимания силы юридического акта и подлинной правовой нормативности.

Ведущий исследователь правовых учений средневековья в области частного права Паоло Гросси показывает, что понятие природы договора раскрыто в трудах Бальда (XIV в.). Понятие природы договора (*natura contractus*) выступает в учениях постглоссаторов его третьим предикатом, наряду с сущностью и акциденциями. Если существенные элементы (*substantialia*, начиная с Бальда — *essentialia*) определяют само возникновение обязательства, возможность его бытия, акциденции (*accidentalialia*) как внешние элементы выступают допустимыми дополнениями, не влияющими на существование обязательства как такого (они могут быть, а могут и отсутствовать), то естественные элементы договора (*naturalia negotii*) определяют его содержание как договора определенного типа, отличного от других². Естественные элементы содержания входят в обязательство по умолчанию (даже если они не выражены в договоре) и могут до известной степени изменяться по воле сторон, если такие изменения не выходят за рамки определения договора определенного типа и не угрожают самому его существованию. Входя в структуру договора, относясь к его онтологии, существенные и естественные элементы выделяются как факторы, отвечающие либо за само существование договора, его неизменное и стабильное ядро (сущность), либо за его

¹ *Ferri G. Causa e tipo nella teoria del negozio giuridico. Milano, 1966.*

² Ученый приводит определение Бальда (*Grossi P. Sulla 'natura' del contratto// Quaderni Fiorentini, 15, 1986. P. 609*): "est autem substantia id quo primum res aliquid est. Natura quo primum res talis est... Substantia ponit rem in quidditate; natura ponit eam in qualitate et differentia" (субстанция же — это то, благодаря чему вещь впервые становится чем-либо; природа — то, благодаря чему вещь впервые становится именно такой... Субстанция приводит вещь к бытию, природа приводит вещь к качеству и отличию [от других]).

неповторимое качество и функциональность (природа). Сущность находит релевантную оппозицию в акциденциях и выступает собственно структурой, системным определением договора как договора. Природа относится к содержанию и функциям, определяя хозяйственные задачи и возможности договора, его особый тип. Фиксация понятия каузы в терминах природы сделки отражает развитое научное понимание юридического акта, верное европейской правовой традиции.

Природа договора как предмет ошибки обсуждается на стадии установления правоотношения и включает в себя те задачи, которые ставит перед собой сторона договора в поиске консенсуса с другой стороной. Природа договора — это предмет согласований между сторонами, точка встречи их интересов, но и одновременно фильтр возможных желаний и ожиданий, организующее начало, выдвигающее равную для сторон меру, норму их дальнейшего сосуществования в качестве сторон обязательства. Податливость содержания договора, его способность оставаться самим собой, сохранять свою природу, несмотря на изменения, внесенные по воле сторон, раскрывает сделку как способ и форму учета и примирения разных целей в рамках возможных, отвечающих типу договора (его природе) композиций, как предложение со стороны нормативной системы, потенциально содержащее ответы на запросы сторон, годные для преобразования потребностей в признанные интересы, хозяйственных целей — в устойчивые юридические следствия: аллокацию имущественных ценностей, фиксацию стандартов поведения и ответственности, распределение рисков, предоставление гарантий от возможных внешних вызовов, наделение средствами защиты. Выдвижение встречных требований к сторонам соглашения (или к волеизъявителю при односторонней сделке), выступающих как ограничения системы, предъявляемые к участникам организованных правом отношений, отмечает момент перехода бытового и фактического в урегулированное и формальное, когда цели участников преобразуются в функции правовой формы (нормы), управляющей созданным правоотношением. Интерес представлен в праве как функция управляющей нормы, ее содержание. Логически предшествующее такому преобразованному (оформленному и признанному) интересу побудительное желание, вызванное фактической потребностью, с точки зрения социальной нормы оказывается внесистемным, вторичным элементом социальной жизни. Потребности структурируются и стимулируются нормативной сферой, начинают мыслиться в понятиях, предлагаемых правовой системой, становятся порождением системы, ее проекцией в неорганизованные и неотрефлексированные области субъективности. Субъективное и объективное в праве выступает во взаимозависимом единстве. Кауза — это способ присутствия субъективного в нормативном, форма системного существования субъективного.